ДУХ И МАШИНА

I

Никогда еще так остро не стоял вопрос об отношении духа и машины, как в наши дни. Мировая война очень заостряет эту тему. Наши споры о германизме вращаются вокруг темы — дух и машина. Нельзя отрицать, что в Германии было много духа, и Германия же пришла к самым совершенным образцам механизации и машинизации. Германская машина, как бы выброшенная из недр германского духа, идет впереди, она задавала тон в жизни мирной, а теперь задает тон в войне. Германцы стали рабами собственной совершенной машины. Совершается роковой процесс машинизации жизни, замена органического механическим. Многих пугает и страшит этот процесс, сопровождающийся уродливыми явлениями и гибелью старой красоты. Торжество машины, замена организма механизмом представляется материализацией жизни. Но можно ли сказать, что дух погибает в. этой материализации, что машина изгоняет его из жизни? Я думаю, что это слишком поверхностный взгляд. Смысл появления машины и ее победоносного движения совсем не тот, что представляется на первый взгляд. Смысл этот — духовный, а не материальный. Сама машина есть явление духа, момент в его пути. Обратной стороной машинизации и материализации жизни является ее дематериализация и одухотворение. Машина может быть понята, как путь духа в процессе его освобождения от материальности. Машина разрывает дух и материю, вносит расщепление, нарушает первоначальную органическую целостность, спаянность духа и плоти. И нужно сказать, что машина гибельна не столько для духа, сколько для плоти. Машинность, механичность культуры распыляет плоты мира, убивает органическую материю, в ней отцветает и погибает органическая материя, родовая материальная жизнь. Старый органический синтез материальной, плотской жизни в машине приходит к концу. Рост техники во вторую половину XIX века одна из величайших революций в истории человечества. Что-то надломилось в органической жизни человечества, и началось что-то новое, все еще не до конца осознанное и опознанное. Быть может, после этой войны будет лучше понятно, что случилось с человечеством после властного вступления машины в его жизнь.

Проблема «духа и машины» имеет огромное значение для русского сознания, она предстоит перед Россией, как проблема ее будущего. Спор славянофильства и западничества, народничества и марксизма может быть перенесен в духовную сферу и углублен. И та точка

зрения, которую я хочу защитить, может быть названа «духовным марксизмом». Но это, конечно, не более как аналогия Русские любят противополагать своеобразие русского духа западной материальной культуре, основанной на механичности и машинности. Свою русскую органическую целостность мы противополагаем западной механической раздробленности. И в этот грозный час нашей истории мы пытаемся противопоставить русский дух германской машине, хотим понять эту войну, как борьбу духа с машиной. В этом чувстве войны есть своя правда, но есть и довольно грубое смешение разных плоскостей и планов. Нужно ведь признать, что и славянофилы и народники и разные русские религиозные направления не всегда только дух противополагали машине и власти материальности, но также противополагали более раз витой технике и хозяйству технику и хозяйство менее раз отсталое и примитивное. Так ищут спасения от усовершенствованной материи в материи несовершенной и от высокой степени материального развития — в низкой ступени материального развития. Но порабощающей власти развитой техники можно противопоставить высокий и свободный дух, но нельзя противопоставить технику отсталую и элементарную. Материальная отсталость и элементарность не есть сила духа.

Нельзя, например, превращать натуральное хозяйство в высшую духовность, идеализировать элементарную и примитивную хозяйственность, как более духовное и свободное состояние. Отсталое, элементарное, примитивное хозяйство нисколько не менее материально, чем развитое капиталистическое хозяйство. Если идти назад по линии материального развития человечества, то мы не дойдем до свободного и цельного духа, а дойдем лишь до более элементарных и примитивных форм материальной жизни. И эта материальная линия в прошлом упирается в самую грубую борьбу за существование, в самую тяжкую материальную зависимость, царящую в природе. Потерянного рая мы не найдем этим движением назад или задержкой в движении вперед. Это — грубый самообман. Славянофилы, так дорожившие примитивным и отсталым русским материальным бытом и с ним связывавшие высоту нашего духа, в сущности, держали дух в рабской зависимости от материи. Уничтожение сельской общины и патриархального бытового уклада представлялось им страшным бедствием для русского духа и его судьбы. Но может ли русский дух так зависеть от материальной отсталости? Грозит ли русскому духу гибель от разложения старой русской материи? Немного тогда стоит этот дух. Постыдно для духа бояться материального развития и цепляться за материальную отсталость. Дух должен бесстрашно идти по пути материального развития, узрев в нем свою собственную объективацию и манифестацию. Материальное разви-

тие, техника, машина — пути духа. И я думаю, что не только ошибочно противопоставлять совершенной машине машину несовершенную, но также ошибочно противопоставлять машине — дух. Можно лишь противопоставлять низкому, рабскому духу дух свободный и высокий.

II

Материальное, космическое развитие идет от первоначальной целостной органичности, скрепляющей дух и плоть и прикрепляющей дух к материи, к механичности, расщепляющей дух и плоть, нарушающей цельность и освобождающей дух от связи с материей. Этот путь можно открыть во всех сферах жизни. Повсюду первоначальная органическая цельность расщепляется и разлагается, совершается дифференциация и расслоение. Утерянная органическая целостность и спаянность в периоде разорванности и расслоенности обманно представляется утерянным раем, почти божественным состоянием. Но эта первоначальная органическая целостность была не божественным и райским состоянием, а природным и скованным состоянием. В природной органической жизни дух и плоты еще не дифференцированы, но означает это не высшее состояние духа, а элементарное его состояние, всегда связанное с тяжелой борьбой за существование и злым принуждением. Дух еще дремлет в первоначальной органичности, он не возвышается еще над растительностью и животностью, он растворяется еще в природе. Расщепление и раздвоение — неизбежный этап в путях раз вития духа, который переживается мучительно и нередко сопровождается чувством смерти. В восприятии этого пути развития мы подвержены эстетическому обману. Мы ведь очень легко принимаем наше творческое эстетическое восприятие природы за жизнь самой природы и с трудом видим зло и неволю, заложенные в природной жизни. Все органически природное кажется нам более прекрасным, чем все искусственно-механическое. Прекрасен цветущий дуб и уродлива машина, оскорбительна для глаза, уха и носа нимало не радует. Мы любим дуб и хотели бы, чтобы он унаследовал вечность и чтобы в вечной жизни мы сидели под цветущим развесистым дубом. Машину же любить мы не можем, в вечности ее увидеть не хотели бы, и в лучшем случае признаем лишь ее полезность. И как соблазнительно желание остановить роковой процесс жизни, ведущий от цветущего дуба к уродливой и смрадной машине.

Но все же этот переход от органичности дерева, от благоухающей растительности к механичности машины, к мертвящей искусственности должен быть пережит и прожит религиозно. Чтобы воскреснуть,

нужно умереть, пройти через жертву. И переход от органичности и целостности механичности и расщепленности есть страдальческий жертвенный путь духа. Эта жертва должна быть сознательно принята. Через нее лишь достигается свобода духа. Машина есть распятие плоти мира, вознесение на крест благоухающих цветов и поющих птиц. Это Голгофа природы. В неотвратимом процессе искусственной механизации природа как бы искупает грех внутренней скованности и вражды. Природный организм должен умереть, чтобы воскреснуть к новой жизни. И вот чудовища — машины умертвляют природную органическую целостность и косвенно, мучительными путями высвобождают дух из природной связанности. Сделался шаблонным в религиозной мысли тот взгляд, что майна умерщвляет дух. Но глубже та истина, что машина умерщвляет материю и от противного способствует освобождению духа. За материализацией скрыта дематериализация. С вхождением машины в человеческую жизнь умерщвляется не дух, а плоты, старый синтез плотской жизни. Тяжесть и скованность материального мира как бы выделяется и переходит в машину. И от этого облегчается мир.

III

Реакционеры-романтики, в тоске и страхе держащиеся за отходящую, разлагающуюся старую органичность, боязливые в отношении к неотвратимым процессам жизни, не хотят пройти через жертву, не способны к отречению от устойчивой и уютной жизни в плоти, страшатся неизведанного грядущего. Хотят сохранить старую органичность, старую плоты, силятся не допустить материальный мир до расщепления и расслоения. И как мало эти люди верят в дух, в его бессмертие и неистребимость, в его неодолимость темными силами. Судьба духа вверяется ветхим и элементарным материальным формам, от которых боятся оторвать дух. Какие маловеры все эти видящие гибель духа в разложении ветхой органической материи. Такими маловерами оказываются дети и внуки славянофилов. Страх перед новой жизнью — определяющий их мотив. Какой жалкий самообман видеть высшее и лучшее в отсталых формах материальной жизни по сравнению с формами более развитыми, какой материализм в этом чувствуется! Религиозное, христианское отношение к жизни должно жертвенно принять смерть старой России, старой ее плоти во имя воскресения России к новой жизни. Глубина христианства в том, чтобы принять и понять изнутри всю жизнь как мистерию Голгофы и Воскресения. И вся плоть мира должна пройти через распятие, через раздирание и смерть. Эта смерть — к жизни. Но вот говорят, что св. Франциск невозможен при развитой про-

мышленности, при машинах и капиталистическом хозяйстве. Св. Франциск возможен был лишь при натуральном, примитивном хозяйстве, и потому да здравствуют элементарные формы материальной жизни, не будем допускать развития! Но если так, то я делаюсь марксистом и настаиваю на следующем роковом выводе: св. Франциск — цветок натурального хозяйства, дух обусловливается экономическими факторами. Религиозное отношение к жизни рушится, и о святости лучше совсем не говорить. Или нужно бесстрастно стать на другой путь и признать, что дух не зависит от материи и что функциональная связь духовного и материального на поверхности жизни из глубины, изнутри совсем иное означает. Эта независимость свобода духа должна быть обнаружена мучительным путем механизации, машинизации материальной жизни. Только путь расслоения, раздвоения и дифференциации жизни дает настоящий опыт и познание жизни. Это — путь свободы, свободного изживания всех потенций.

IV

Вначале все органически-плотское было освященное и священное. Религиозное освящение плотской жизни и ее элементарных материальных орудий свойственно всем натуралистическим религиям и самому христианству в натуралистическом его периоде. Священен был плуг, которым пахали землю. Сама земля была священна и растения и животные и все хозяйственно-материальное.

В первоначальном фазисе своего развития человечество не могло выковывать хозяйственных орудий борьбы жизнь без религиозной санкции. Ощущение священности материальной жизни всюду сопровождало человека. Это освящение плотской жизни и ощущение ее божественной органичности не вполне покинуло человека и в наше время. Но на высоких ступенях исторического развития вся материальная жизнь роковым образом перестает быть священной. Все спекуляризуется. Машина не священна и не священен современный индустриализм. Машина и не нуждается в освящении. Только органическое ощущается священным, механическое никогда не ощущается священным. Секуляризация всей внешней жизни связана с расщеплением и раздвоением, с утерей первоначальной органической цельности. Сознательное согласие на секуляризацию жизни есть согласие на жертву, на отречение от прекрасных и возвышенных обманов. Все священное входит внутрь, в дух. Обратной стороной этого обрелигиозивания и обездушивания жизни является углубление религиозности и большее одухотворение. Религия перестает быть плотски и становится духовной, глубинной. Секуляризация, как и ма-

шина, убивает не дух, а материю. Машинизация есть отрывание и выделение материальной тяжести из духа, облегчение духа. Но облегчение это достигается тем, что переживается кошмар и смертная тоска машинности.

То, что было вечно в дубе, в цветах и шипах, то преобразится и пребудет в духе, то сохранит свою непреходящую форму, освобожденную от материальной тяжести и скованности. Но нельзя идеализировать органическую природу и ее естественный порядок, в котором все основано на борьбе за существование и взаимном истреблении и пожирании. Нельзя смешивать своего творческого прозрения красоты природы с ее естественным порядком. Природно-органическое не есть еще ценное, не есть то высшее, что нужно охранять. Истинная жизнь — творимая жизнь, а не исконная данная жизнь, не органически элементарная, животно-растительная жизнь в природе и в обществе. И в физическом организме, борющемся за существование в природном порядке, не больше оконча тельной правды, чем в машине. С более глубокой точки зрения дуб и Машина в одной линии. Развитие в материальном плане идет от элементарного природного организма к сложной искусственной машине. Это — путь расслоения материи, того искусственного ее усложнения, которое ведет к освобождению от материи, от тяжести ее органических функций. Человечество должно бесстрашно, с полной верой в неистребимость своего духа проходить через материальное развитие, через машину и технику и перестать искать спасения исключительно в прошлом. Боязнь и страх машины есть материализм и слабость духа. Обращение к элементарному органическому прошлому, идеализация его, боязнь страдальческого развития есть малодушие и любовь к покою, леность духа. Только тот достигает свободы духа, кто покупает ее дорогой ценой бесстрашного и страдальческого развития, мукой прохождения через дробление и расщепление организма, который казался вечным и таким уютно отрадным. В старый рай под старый дуб нет возврата. Более элементарного и менее мучительного прошлого не вернешь. Огромный смысл явления машины — в том, что она помогает окончательно порвать с натурализмом в религии. Машина как бы клещами вырывает дух из недр природной материи. Это процесс очень мучительный и трудный, много радостей жизни в нем гибнет. И нужна большая вера в силу духа, чтобы устоять в этом процессе. Первоначально он воспринимается, как торжество материи и гибель духа. И лишь на большой глубине процесс этот достигается иначе.

Россия переживает сейчас очень ответственный момент, она стоит на перепутье. Ей предстоит еще жертвенно отречься от своего материального органического прошлого, от старого своего хозяйство-

вания, от старого своего государствования, которое многим еще представляется органическим, но которое уже подгнило в своей основе и разлагается. Русское сознание должно отречься от славянофильского и народнического утопизма и мужественно перейти к сложному развитию и к машине. В России есть смешение двух стилей — аскетического и империалистического, монашеского и купеческого, отрекающегося от благ мира и обделывающего мирские дела и делишки. Такое смешение не может дольше продол жаться. Если Россия хочет быть великой империей и играть роль в истории, то это налагает на нее обязанность вступить на путь материального технического развития. Без этого решения Россия попадает в безвыходное положение. Лишь на этом пути освободится дух России и раскроется ее глубина.